A 282/288

А 282
288

Чтеніе для Солдатъ и Народа

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

А. М. Заіончковскаго.

ИЗДАНІЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ
В.-УЧ. ЗАВЕДЕНІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

А 282
288

Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

ПОДВИГИ ЗАЩИТНИКОВЪ.

А. М. Заіончковскаго.

ЧТЕНІЕ

съ проекціонными картинами, заимствованное изъ книги того же автора и подъ тѣмъ же заглавіемъ, посвященной Августѣйшему севастопольцу Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

Дозволено цензурою. Спб., 6 марта 1900 г.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла. Е. Евдокимовъ. Троицкая, № 18.

Оборона Севастополя.

Осенью 1853 года возгорѣлась война между Россіей и Турціей, а съ весны 1854 года къ Турціи присоединились Франція, Англія, да и Австрія выставила на нашей границѣ армію и стала грозить войной.

Что же послужило причиной вооруженнаго возстанія на насъ почти всей Европы?

Могущество Русской Имперіи, а также всегда правдивое и сильное слово Императора Николая I вызывало къ намъ зависть, нерасположеніе остальныхъ державъ и желаніе ослабить Россію.

На этой картинѣ представленъ Императоръ Николай Павловичъ. (Рис. 1).

Наши недоброжелатели хорошо понимали, что Императоръ Николай Павловичъ никогда не отступится отъ завѣщаннаго предками охраненія вѣры православной, и всѣми силами подговаривали султана притѣснять наше богослуженіе на Святой Землѣ, которая находится во власти турокъ. Изъ-за этого осенью 1853 года султанъ объявилъ намъ войну.

Такимъ образомъ не на нашей совѣсти лежитъ начало почти трехлѣтней кровавой распри; мы защищали дѣло правое и, вѣруя въ справедливость Божью, смѣло смотрѣли впередъ ожидая успѣха въ борьбѣ съ нашими врагами.

Успѣшно открылась война для насъ, и уже въ ноябрѣ 1853 года кавказская армія и черноморскій флотъ порадовали Россію

большими побѣдами. 19 ноября войска наши на Кавказѣ на голову разбили большой турецкій отрядъ при Башъ-Кадыкларѣ, а днемъ раньше, 18-го числа, нашъ черноморскій флотъ истребилъ турецкую эскадру близъ Синопа.

Кому не извѣстны доблестные русскіе моряки! На всѣхъ моряхъ свѣта они высоко держатъ флагъ своего родного флота, и лѣтопись наша богата великими подвигами нашихъ моряковъ.

Начальствовалъ черноморскимъ флотомъ до 1852 года адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, портретъ котораго представленъ на этой картинѣ. (Рис. 2). Онъ всю свою жизнь посвятилъ на пользу дорогого ему флота, и старанія его не пропали даромъ. Отлично знающіе свое дѣло, беззавѣтно преданные родному флоту, черноморскіе моряки, всѣ, отъ адмирала до матроса, представляли одно тѣло и одну душу, готовые погибнуть въ неровной борьбѣ для защиты родины и своей колыбели—Севастополя и Чернаго моря.

Давно рвались моряки въ бой, а какъ только объявлена была война, то любимые ученики покойнаго адмирала Лазарева, уважаемые всѣмъ флотомъ вице-адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ и генералъ-адъютантъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, вышли со своими эскадрами изъ Севастопольской бухты искать вражескаго флота, съ непоколебимымъ рѣшеніемъ атаковать турокъ при встрѣчѣ, не считая силъ.

Вскорѣ адмиралъ Нахимовъ, портретъ котораго здѣсь представленъ (рис. 3), обнаружилъ, что большая турецкая эскадра, везя 10-титысячный отрядъ къ кавказскимъ берегамъ, находится въ Синопскомъ рейдѣ. Тотчасъ же Нахимовъ рѣшилъ атаковать турокъ и направилъ свою эскадру къ Синопу.

18-го ноября наша эскадра, построившись въ двѣ линіи и имѣя въ головѣ корабли «Императрица Марія», на которомъ находился Нахимовъ, и «Парижъ», подъ флагомъ адмирала

Новосильскаго, подъ всѣми парусами полетѣла на Синопскій рейдъ навстрѣчу врагу.

Несмотря на сильный огонь, которымъ встрѣтила насъ турецкая эскадра съ фронта и береговыя батареи съ фланга, наши корабли безмолвно летѣли впередъ, чтобы, по сигналу адмирала, стать вблизи отъ турокъ на якорь и тогда только начать ихъ громить.

Вотъ наконецъ на адмиральскомъ кораблѣ подымается сигналъ. Всѣ думаютъ, что это сигналъ для боя... но онъ показалъ только, по морскому обычаю, полдень!

Такова была сила черноморцевъ! За нѣсколько минутъ до кроваваго ожесточеннаго боя адмиралъ настолько спокоенъ, что не забываетъ ни одной мелочи внутренней службы флота! А такое спокойствіе въ начальникѣ есть уже большой залогъ успѣха дѣла.

Въ Синопскомъ бою, общій видъ котораго здѣсь изображенъ (рис. 4), всѣ корабли соперничали другъ съ другомъ въ подвигахъ мужества, всѣ были равны и всѣ вели себя геройски.

Вотъ изображенный здѣсь (рис. 5) стройный, красивый корабль «Императрица Марія» съ перебитыми снастями громитъ батальнымъ огнемъ турецкіе фрегаты, которые взлетаютъ на воздухъ или идутъ ко дну; а вотъ и другой красавецъ-корабль «Парижъ» съ своимъ командиромъ Истоминымъ. Онъ такъ работалъ обоими бортами, что въ пылу самаго боя Нахимовъ и всѣ моряки не могли имъ налюбоваться, и адмиралъ приказалъ благодарить корабль. Но на адмиральскомъ кораблѣ всѣ снасти были перебиты—не на чемъ было поднять благодарственнаго сигнала.

Ужасны были для турокъ послѣдствія Синопскаго боя: почти всѣ суда, экипажъ и части сухопутныхъ войскъ были истреблены, береговыя батареи срыты. Уцѣлѣлъ лишь начальникъ турецкой эскадры, раненый адмиралъ Османъ-паша, и

около 250 человѣкъ экипажа, которые и были захвачены въ плѣнъ и отведены въ Севастополь.

Встрепенулись послѣ Синопской побѣды благожелатели турокъ—англичане и императоръ Наполеонъ; побоялись они, чтобы мы совершенно не управились съ Портой Отоманской, а потому рѣшили открыто помогать туркамъ, и къ веснѣ 1854 года мы уже имѣли противъ себя арміи трехъ государствъ—Англіи, Франціи и Турціи.

Пришлось намъ оборонять свои обширныя границы, которымъ враги угрожали со всѣхъ сторонъ, направивъ самыя большія силы въ Черное море для дѣйствій противъ Крымскаго полуострова. Здѣсь союзники начали съ того, что въ Страстную пятницу, во время выноса плащаницы, стали бомбардировать Одессу, что здѣсь изображено. (Рис. 6).

Огню 350-ти непріятельскихъ орудій съ нашей стороны могли отвѣчать только четыре орудія подъ начальствомъ молодого артиллерійскаго прапорщика Щеголева, портретъ котораго здѣсь представленъ. (Рис. 7).

Трудно было положеніе Щеголева и его небольшой команды: орудія его были выдвинуты впередъ, на мысокъ, чтобы быть поближе къ непріятельскимъ судамъ. Со всѣхъ сторонъ вражьи корабли закидывали снарядами горсть нашихъ храбрыхъ артиллеристовъ; два орудія были подбиты, прислуга валилась. Но молодой прапорщикъ не унывалъ: самъ онъ наводилъ одну изъ оставшихся пушекъ, фейерверкеръ Осипъ Ахлупинъ—другую. И много же вреда нанесъ онъ непріятельскимъ кораблямъ! Когда у Щеголева была перебита почти вся прислуга при орудіяхъ, то на смѣну имъ явились добровольцы: три студента Одесскаго лицея лихо помогали артиллеристамъ.

Послѣ шестичасового боя, когда всѣ снаряды взорвало на воздухъ, храбрый Щеголевъ отвелъ въ полномъ порядкѣ назадъ горсть оставшихся въ живыхъ артиллеристовъ.

Осенью 1854 года англо-французы рѣшили высадить большую армію въ Крыму для того, чтобы завладѣть городомъ Севастополемъ, въ которомъ были сосредоточены всѣ морскія сооруженія нашего флота, и уничтожить ихъ.

Севастополь лежитъ у береговъ одной изъ величайшихъ и лучшихъ бухтъ. Здѣсь представленъ Севастополь сто лѣтъ тому назадъ. (Рис. 8).

Заложенный Императрицею Екатериною II, онъ долженъ быть дорогъ сердцу русскихъ людей и въ особенности сердцу черноморскихъ моряковъ. Верстахъ въ трехъ отъ него находятся развалины древняго византійскаго города Херсонеса Таврическаго, въ которомъ кіевскій великій князь Владиміръ Святой принялъ святое крещеніе.

Что же касается до черноморскаго флота, то Севастопольская бухта была стоянкой нашего флота; здѣсь въ немногія минуты отдыха собирались наши моряки, здѣсь же жили ихъ семьи. Въ Севастополѣ же отставные матросы селились навсегда, со своими женами и дѣтьми. Для всѣхъ моряковъ этотъ красивенькій городокъ, раскинутый на прибрежьяхъ величественнаго моря, былъ родиной; все, что дорого сердцу нашихъ моряковъ и было—служеніе Царю и Отечеству, родные корабли и Севастополь, съ которымъ они сроднились и въ которомъ жили всѣ близкіе ихъ сердцу. Грудью своею, до послѣдней капли крови, черноморцы готовы были защищать свой флотъ и свой Севастополь!

2-го сентября непріятельскій флотъ изъ 340 судовъ, на которыхъ находился десантъ [1]) въ 60 тысячъ человѣкъ при 207 орудіяхъ, съ громаднѣйшими запасами всего необходи-

[1]) Десантомъ наз. отрядъ сухопутныхъ войскъ, перевозимыхъ на судахъ, для высадки на непріятельскій берегъ.

маго, появился вновь у крымскихъ береговъ и въ одинъ день высадилъ армію вблизи Евпаторіи, въ разстояніи около 40 верстъ отъ Севастополя. Высадка союзниковъ изображена на этой картинѣ. (Рис. 9).

Начальствовалъ всѣми войсками генералъ-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, который здѣсь изображенъ. (Рис. 10). Ожидая высадку союзниковъ, онъ занялъ съ 30 тысячами сильную позицію на рѣкѣ Алмѣ, чтобы задержать движеніе врага къ Севастополю.

8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, началъ непріятель, въ числѣ 60 тысячъ, свое наступленіе на нашу позицію. На этой картинѣ изображенъ общій видъ Алминскаго сраженія. (Рис. 11). Въ то время, когда мы ждали появленія его войскъ передъ собой, французскій генералъ Боске незамѣтно для насъ взобрался на утесы у устья р. Алмы, которые княземъ Меншиковымъ считались неприступными, и даже втащилъ на нихъ свою артиллерію. Здѣсь изображенъ переходъ Боске р. Алмы. (Рис. 12).

Съ нашей стороны вступить въ бой съ цѣлой дивизіей Боске могъ только 2-й баталіонъ Минскаго полка, подъ командой полковника Раковича. Большое превосходство силъ французовъ не остановило минцевъ; они въ штыки бросились на зуавовъ, и достойные другъ друга враги жестокой сѣчей оспаривали каждый шагъ земли, при чемъ полковникъ Раковичъ лично спасъ знамя, изрубивъ зуава, завладѣвшаго имъ, какъ это здѣсь изображено. (Рис. 13). Однако минцы, окруженные съ трехъ сторонъ превосходнымъ по числу непріятелемъ, принуждены были отойти назадъ, и французы утвердились на флангѣ нашей позиціи, а въ центрѣ въ то же время начали взбираться на высоты цѣлыя ихъ дивизіи подъ прикрытіемъ сильнѣйшаго огня. Несмотря на это, наши полки и здѣсь неоднократно бросались въ штыки, и дорогою цѣною ку-

пилъ непріятель возможность утвердиться на высотахъ нашего берега!

Въ то время, какъ французы атаковали насъ спереди и слѣва, съ правой стороны наступали англичане. Этимъ пришлось бы совсѣмъ плохо, если бы въ концѣ концовъ не помогли имъ французы. При ихъ только содѣйствіи они переправились черезъ Алму, и скоро англійское знамя взвилось на нашей батареѣ. Но не долго пришлось красоваться ему. Генералъ Квицинскій повелъ ближайшій баталіонъ Владимірскаго полка въ штыки на занятую англичанами батарею.

Величественна была изображенная здѣсь атака владимірцевъ. (Рис. 14). Безъ выстрѣла сплошною стѣною бросились они на англичанъ. Картечь и ружейные залпы вырывали цѣлые ряды ихъ, но ничто не могло смутить отважнаго полка. Смыкая ряды, держа ружья на руку, онъ грозно наступалъ на врага. Не выдержали англичане вида владимірцевъ и въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать. Къ сожалѣнію, атака владимірцевъ не могла поправить нашего дѣла, такъ какъ насъ обошли слѣва, и только облегчила отступленіе остальныхъ войскъ. Князь Меншиковъ приказалъ покинуть позицію. Здѣсь изображено отступленіе нашихъ войскъ съ Алмы. (Рис. 15).

Сильный отпоръ, данный нашими войсками союзникамъ, а также стойкость прикрывавшаго отступленіе полковника Хрущева съ Волынскимъ полкомъ позволили намъ спокойно отойти съ Алминской позиціи. А спокойствіе это намъ было необходимо. Плохія дороги, малое число докторовъ и повозокъ для раненыхъ дѣлали бы положеніе этихъ страдальцевъ ужаснымъ, если бы не помощь постороннихъ людей и товарищей, а въ этомъ у насъ никогда недостатка не бываетъ.

Вотъ хоть напр. Даша Севастопольская, здѣсь представленная. (Рис. 16). Круглая сирота, дочь матроса, жила она тихо въ Севастополѣ, пока не узнала, что союзники высади-

лись въ Евпаторіи. Видя опасность, которая грозила родинѣ, Даша съ своей стороны хотѣла пожертвовать для нея всѣмъ, чѣмъ могла, и рѣшила облегчать участь раненыхъ. Собрала она всѣ свои пожитки, продала ихъ и на вырученныя деньги купила маленькую аптеку, бинты, татарскую лошадку, одѣлась матросомъ и поѣхала на Алму перевязывать раненыхъ, какъ это здѣсь изображено. (Рис. 17). И много помощи оказала она какъ подъ Алмой, такъ потомъ и въ Севастополѣ, заслуживъ общую извѣстность и любовь защитниковъ города.

Пожаловалъ Государь безстрашной Дарьѣ медаль, а Государыня прислала золотой крестъ съ надписью: «Севастополь». До глубокой старости прожила Дарья Александровна и всегда пользовалась большимъ почетомъ за услуги, оказанныя ею русскому воинству.

Послѣ кровопролитнаго боя на р. Алмѣ князь Меншиковъ отошелъ въ сторону отъ Севастополя.

Поистинѣ ужасно было положеніе этого города и его маленькаго гарнизона, въ которомъ, не считая флота, было всего около 5 тысячъ! Прикрытый укрѣпленіями съ моря, онъ былъ почти совсѣмъ открытъ съ суши, откуда ежеминутнымъ нападеніемъ угрожала одушевленная недавнимъ успѣхомъ армія англо-французовъ. И при такомъ положеніи никто не помышлялъ о сдачѣ.

Недолго однако продолжалось смущеніе севастопольцевъ! Среди нихъ находился доблестный ученикъ адмирала Лазарева—генералъ-адъютантъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, здѣсь изображенный. (Рис. 18). Всѣ взоры севастопольцевъ обратились на него; онъ принялъ начальство надъ флотомъ и гарнизономъ, и, воодушевленные своими любимыми адмиралами, Корниловымъ и Нахимовымъ, всѣ моряки, какъ одинъ человѣкъ, день и ночь начали работать надъ укрѣпленіемъ города. На этой картинѣ представлена перевозка орудій въ Се-

вастополѣ. (Рис. 19). Да не только моряки — весь Севастополь, сухопутныя команды, жители города, арестанты, даже женщины и дѣти, всѣ, увлеченные Корниловымъ, начали трудиться надъ оборонои города. На этой картинѣ изображена постройка батареи женщинами. (Рис. 20). И донынѣ въ Севастополѣ красуется Дѣвичья гора, на которой въ то время была насыпана севастопольскими женщинами цѣлая батарея.

На помощь Корнилову явился искусный и дѣятельный, изображенный здѣсь инженеръ Тотлебенъ (рис. 21), по указаніямъ котораго маленькій гарнизонъ Севастополя быстро строилъ укрѣпленія и вооружалъ ихъ.

Къ этому же времени относится и великій подвигъ черноморскаго флота, стоявшаго въ Севастопольской бухтѣ. Для недавнихъ побѣдителей при Синопѣ другого рѣшенія, какъ побѣдить или умереть, не было. Зная своихъ моряковъ, Корниловъ хотя и сознавалъ безполезность такого подвига, но все-таки предлагалъ выйти со всѣмъ флотомъ въ море, кинуться на непріятельскій флотъ и погибнуть въ неровномъ бою, увлекая съ собою на гибель массы враговъ.

Любо было черноморскимъ морякамъ рѣшеніе погибнуть вмѣстѣ съ роднымъ флотомъ! Однако такой подвигъ пользы мало принесъ бы и Россіи и Севастополю: нашъ флотъ ходилъ только подъ парусами и не могъ состязаться съ паровыми судами союзниковъ. Поэтому рѣшено было возможно дороже продать врагу свою жизнь, разстаться со своими родными кораблями, вѣрными спутниками былыхъ подвиговъ, потопить ихъ при входѣ въ Севастопольскую бухту, чтобы заградить доступъ въ нее непріятельскому флоту, а орудія и экипажи свезти на берегъ и защищать свое родное гнѣздо до послѣдней капли крови. Сдержали свое слово черноморцы — одиннадцать съ половиной мѣсяцевъ они отстаивали городъ.

Вечеромъ 10-го сентября у выхода изъ Севастопольской

бухты поставлены были суда: «Сизополь», «Варна», «Силистрія», «Флора», «Уріилъ», «Селафаилъ» и «Три Святителя», которыя должны были быть затопленными и преградить входъ въ рейдъ. Весь Севастополь съ полными слезъ глазами пришелъ проводить друзей своихъ. Въ прорубленныя подводныя части хлынула вода, и, качаясь, тихо опускались въ пучину старые корабли. Лишь корабль «Три Святителя» оставался на поверхности моря; вода съ шумомъ лилась въ отверстія, пробитыя въ корпусѣ корабля, но не желалъ герой Синопа разставаться со своимъ побѣднымъ экипажемъ и не хотѣлъ итти ко дну. Здѣсь изображено потопленіе корабля «Три Святителя». (Рис. 22). Тогда велѣно было пароходу «Громоносецъ» пустить нѣсколько ядеръ въ подводную часть судна и тѣмъ ускорить его разрушеніе. Глубокой тоской отозвались эти выстрѣлы «Громоносца» въ сердцахъ севастопольцевъ; многіе заслуженные моряки не могли скрыть слезъ, невольно набѣгавшихъ на ихъ глаза. Корниловъ видѣлъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на моряковъ потопленіе родныхъ судовъ, съ которыми было связано столько воспоминаній о славныхъ побѣдахъ, и обратился къ нимъ со слѣдующимъ приказомъ:

«Товарищи! Врагъ силенъ, и намъ поневолѣ надо было разстаться съ любимою мыслію поразить его на морѣ. Къ тому же мы нужны для защиты города; тамъ наши дома, тамъ у насъ родные и семейства. Грустно уничтожать свой трудъ! Много было употреблено усилій, чтобы держать наши суда въ завидномъ, примѣрномъ порядкѣ. Но надо покориться необходимости! Москва горѣла, но Русь отъ этого не погибла. Богъ милостивъ! Онъ и теперь готовитъ вѣрному народу русскому такую же славную участь».

И рѣшили же Севастопольцы отплатить врагу за потопленіе своихъ кораблей!

«Будемъ драться до послѣдняго», говорилъ Корниловъ мо-

рякамъ въ другомъ приказѣ. «Отступать намъ некуда—сзади насъ море! Всѣмъ начальникамъ я запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этотъ бой. Если кто изъ начальниковъ прикажетъ бить отбой—заколите такого начальника; заколите барабанщика, который осмѣлится ударить позорный бой! Товарищи, если бы я приказалъ ударить отбой—не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня!»

И росли на глазахъ у непріятеля укрѣпленія, не столь сильныя по своимъ размѣрамъ, какъ по непобѣдимому мужеству ихъ защитниковъ!

Увидали враги наши, что, значитъ, будемъ въ городѣ драться до послѣдняго, а потому, помня стойкость русскихъ войскъ при Алмѣ, отказались отъ мысли взять Севастополь штурмомъ и рѣшили обойти городъ съ другой стороны, построить свои батареи, закидать насъ своими снарядами, а потомъ уже штурмовать открытой силой.

До 5-го октября союзники готовились къ приведенію въ исполненіе своего плана, а въ этотъ день съ самаго ранняго утра всѣ непріятельскія батареи загремѣли неумолкаемымъ огнемъ. На этой картинѣ изображенъ общій видъ бомбардировки. (Рис. 23). Надъ городомъ, въ полномъ смыслѣ—слова, стоялъ адъ; ежеминутно на нашихъ укрѣпленіяхъ, называвшихся бастіонами, падали и рвались непріятельскіе снаряды. Къ полудню со стороны моря подошелъ непріятельскій флотъ и началъ громить береговыя севастопольскія батареи, какъ это здѣсь изображено. (Рис. 24). Смерть носилась всюду, какъ надъ нашими укрѣпленіями, такъ и надъ городомъ. Отъ густого порохового дыма не было видно солнца. Чтобы судить о силѣ этой бомбардировки, упомянемъ, что съ нашей стороны всего стрѣляло 276 орудій, а съ непріятельскихъ батарей и флота 1369 орудій, и это цѣлый день.

При первыхъ выстрѣлахъ адмиралы Корниловъ и Нахимовъ были на оборонительной линіи. Нахимовъ, въ своей обычной формѣ, въ сюртукѣ съ эполетами, цѣлый день оставался на батареяхъ, помогалъ наводить орудія, подбадривалъ матросовъ, которые старались передъ Павломъ Степановичемъ перещеголять одинъ другого въ неустрашимости и неутомимости. Здѣсь изображенъ Нахимовъ на батареѣ. (Рис. 25).

Корниловъ, какъ старшій въ Севастополѣ начальникъ, хотѣлъ побывать всюду, гдѣ была наибольшая опасность. Своимъ привѣтливымъ словомъ Владиміръ Алексѣевичъ удесятерялъ мужество и своихъ черноморцевъ и сухопутныхъ войскъ, вошедшихъ въ составъ севастопольскаго гарнизона.

Много вреда принесла намъ бомбардировка.

На 3-мъ бастіонѣ раздался страшный взрывъ—взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ. Послѣдствія были ужасны: командиръ батареи, лейтенантъ Лесли, и лейтенантъ Рачинскій были разорваны на части; обезображенные трупы лежали повсюду.

Пальба прекратилась: англичане хотѣли этимъ воспользоваться, но офицеры стоявшаго вблизи 41-го флотскаго экипажа бросились къ оставшимся орудіямъ, замѣнили собою прислугу, открыли огонь и удержали англичанъ. Къ вечеру однако бастіонъ этотъ былъ совершенно уничтоженъ и всѣ орудія подбиты.

Въ то время, когда совершенно уничтоженный бастіонъ изъ послѣднихъ силъ боролся съ непріятелемъ, между трупами, съ оторванной ногой, лежалъ молодой мичманъ и умирающимъ голосомъ ободрялъ матросовъ: «Держитесь, братцы!» А изображенный здѣсь сѣдой капитанъ Попандопуло (рис. 26), съ остаткомъ оторванной руки, нагнулся надъ юношей и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ съ полными покорности словами: «Богу, Царю и Отечеству отдаю тебя!!!» Завидѣвъ сол-

датъ, несущихъ снаряды, старикъ быстро вскочилъ, громкимъ голосомъ крикнулъ: «Снарядовъ сюда!» и отправился бороться съ огнемъ англичанъ. То было послѣднее прощаніе отца съ сыномъ!

Да и много было подобныхъ подвиговъ- всѣхъ ихъ не перескажешь. Вотъ напримѣръ въ казематъ 5-го бастіона, гдѣ находилось много народа, вкатилась бомба. Матросъ 43-го флотскаго экипажа Григорій Палюкъ не задумался; онъ, какъ это здѣсь изображено (рис. 27), шапкой зачерпнулъ воды и подскочилъ къ бомбѣ, чтобы загасить ея трубку, но не успѣлъ— бомба въ это время лопнула. «Пропалъ Палюкъ!» думали всѣ. Но дымъ разсѣялся, а Палюкъ стоитъ себѣ съ шапкой воды на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Ишь, не успѣлъ, прахъ ее возьми! сказалъ онъ съ досадой, обращаясь къ толпѣ, смотрѣвшей на него съ удивленіемъ.

А вотъ бомба упала близъ толпы матросовъ. Всѣ ожидаютъ вѣрной смерти, но матросъ Трофимъ Александровъ бросается къ ней съ мѣшкомъ песку, что изображено на этой картинѣ. (Рис. 28).

— Берегись, курится! кричатъ товарищи, но Александровъ засыпалъ горѣвшую трубку, перекрестился, толкнулъ уже безопасную бомбу ногой и весело сказалъ спасеннымъ товарищамъ:

— Эхъ вы, солдатами зоветесь, а курицы боитесь!

Однако въ этотъ день мы понесли невознаградимую потерю. Когда Корниловъ былъ на Малаховомъ курганѣ, непріятельскимъ ядромъ раздробило ему лѣвую ногу около живота. Здѣсь изображена батарея, гдѣ былъ убитъ Корниловъ. (Рис. 29). Смертельно раненый, онъ и здѣсь не забылъ своего роднаго Севастополя и, собравъ послѣднія усилія, впадая въ безпамятство, сказалъ окружавшимъ его: «Отстаивайте же Севастополь.

не отдавайте его!» Умирающій адмиралъ былъ отнесенъ въ морской госпиталь; тамъ онъ страдалъ два часа. Послѣднія слова Корнилова да будутъ памятны потомству навѣки: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать съ чистою совѣстью. Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!»...

Съ такими словами отошелъ въ вѣчность этотъ русскій богатырь, добрый геній Севастополя, сумѣвшій вдохнуть необычайную силу въ незначительный гарнизонъ города и въ теченіе мѣсяца положительно изъ ничего представить врагу грозную своимъ духомъ оборону. Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ смертельно раненъ Корниловъ, воздвигнутъ красивый памятникъ, здѣсь изображенный (рис. 30), и фигура Корнилова какъ бы царитъ надъ Севастополемъ — стоянкой новаго черноморскаго флота, служа примѣромъ геройской службы и смерти за Царя и Отечество.

Между тѣмъ положеніе Севастополя стало какъ будто улучшаться: росли укрѣпленія, подошла армія кн. Меншикова, да и съ западной границы стали прибывать подкрѣпленія.

Когда наши силы подъ Севастополемъ дошли до 100 тысячъ — и у союзниковъ было столько же — князь Меншиковъ рѣшилъ вновь атаковать противника, чтобы отбросить его отъ Севастополя и заставить снять осаду города. Атака была назначена на 24-ое октября на правый флангъ расположенія союзниковъ, на Инкерманскія высоты, занятыя англичанами.

Къ сожалѣнію, въ исполненіи этого плана вышло много недоразумѣній, благодаря неизбѣжнымъ на войнѣ случайностямъ, и на очень узкомъ пространствѣ собралась цѣлая масса нашихъ войскъ, которыя могли дѣйствовать только по частямъ и въ то же время несли громадныя потери отъ непріятельскаго огня. Несмотря на это, полки наши по очереди бросались на врага. Силенъ былъ огонь англичанъ, да все-

таки штыкъ нашихъ молодцовъ сдѣлалъ свое дѣло, и мы одержали надъ англичанами полный успѣхъ.

Здѣсь изображены (рис. 31) баталіоны полковъ Томскаго, Колыванскаго и Екатеринбургскаго, которые сметаютъ передъ собой одну за другою бригады англичанъ и завладѣваютъ ихъ укрѣпленіемъ и орудіями. «Волоса становились у англичанъ дыбомъ», говоритъ очевидецъ, «при видѣ нашихъ сѣрыхъ шинелей, волной вливавшихся въ туманѣ черезъ брустверъ укрѣпленія».

Здѣсь тарутинцы и бородинцы бросились на англійскую батарею и хотя были встрѣчены залпомъ съ 60 шаговъ, но овладѣли ею, причемъ Тарутинскаго полка прапорщикъ Соловьевъ и унтеръ-офицеръ Яковлевъ первые бросились на штыки непріятельскіе, а за ними ворвались ожесточенные солдаты.

Послѣ такихъ блестящихъ успѣховъ полки эти, не поддержанные во-время, должны были отойти назадъ, въ виду появленія противъ нихъ все новыхъ и новыхъ частей англійскихъ войскъ и въ виду убыли изъ строя многихъ начальниковъ.

Ихъ смѣняютъ охотцы, якутцы и селенгинцы. Охотцы стремительно атаковали сильную англійскую батарею, какъ изображено на этой картинѣ. (Рис. 32). Ее защищали знаменитые англійскіе черные стрѣлки. Достойно помѣрились противники: ударили въ рукопашную, дрались штыками, прикладами, обломками оружія, камнями. Но поддержали храбрые охотцы свою честь и взяли англійскую батарею, хотя при этомъ большая часть полка легла на полѣ битвы.

Англичанамъ приходилось совсѣмъ плохо, но къ нимъ спѣшила значительная помощь. Французскій генералъ Боске, видя, что противъ него наши войска не наступаютъ, двинулъ свой корпусъ на помощь англичанамъ. Восемь верстъ отдѣляло

корпусъ Боске отъ поля битвы; быстрымъ шагомъ войска пробѣжали это пространство и прибыли въ самую трудную для англичанъ минуту.

На этой картинѣ изображенъ подходъ корпуса Боске. (Рис. 33).

Появленіе на полѣ сраженія французовъ заставило опять соединиться вмѣстѣ наиболѣе уцѣлѣвшіе баталіоны охотцевъ, якутцевъ и селенгинцевъ и ударить на французовъ въ штыки. На этой картинѣ изображена схватка русскихъ съ зуавами. (Рис. 34). Опрокинуты были зуавы разъ, другой, но. подкрѣпленные безпрестанно прибывающими свѣжими силами, французы принудили отступить наши разстроенные, измученные баталіоны.

Когда послѣ Инкерманскаго сраженія наши войска отступали и многіе изъ отставшихъ за ранами садились, не имѣя силъ двигаться дальше, появилась между ранеными старушка-матроска, здѣсь изображенная (рис. 35), съ большимъ горшкомъ, сковородой и вязанкой дровъ. Живо разложила она огонекъ и начала печь оладьи, утоляя голодъ раненыхъ. Многимъ спасла жизнь эта своевременная помощь доброй старушки, давъ силъ добраться до своихъ. Когда солдаты хотѣли разсчитаться съ благодѣтельной матроской, она незамѣтно скрылась.

Наканунѣ Инкерманскаго сраженія прибыли изъ Петербурга Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, которыхъ Государь отправилъ въ Севастополь дѣлить тягости обороны съ гарнизономъ. Своими постоянными трудами. ласковымъ обращеніемъ, добротой и участіемъ къ нуждамъ войскъ и въ особенности къ раненымъ Великіе Князья удесятеряли силы обороняющагося и заставляли войска всѣми силами стараться оправдать довѣріе къ нимъ и великую милость Царя, приславшаго своихъ сыновей. На этихъ

картинахъ изображены Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ во время Севастопольской обороны. (Рис. 36).

Инкерманскій бой произвелъ большое впечатлѣніе на нашихъ враговъ: удивленные безпримѣрной стойкостью русскихъ войскъ, они отказались отъ надежды штурмовать Севастополь и рѣшились медленно подходить къ нашимъ укрѣпленіямъ, прикрываясь земляными насыпями.

Съ тѣхъ поръ и до самой весны дѣйствія вражьихъ сторонъ подъ Севастополемъ не ознаменовались ни большими бомбардировками, ни сраженіями, но кипучая работа защитниковъ Севастополя не прекращалась ни на минуту.

Обтерпѣлся однако гарнизонъ, и обратилъ онъ грозные бастіоны въ свои казармы: тотъ же смѣхъ и пѣсни слышатся на укрѣпленіяхъ, лишь съ приправой свиста и шипѣнія непріятельскихъ снарядовъ или стона раненаго; тѣ же прибаутки нашихъ солдатиковъ раздаются повсюду.

Не мало было такихъ смѣльчаковъ среди гарнизона севастопольскаго, въ особенности изъ черноморскихъ пластуновъ. здѣсь изображенныхъ (рис. 37), которые не могли спокойно усидѣть въ нашихъ укрѣпленіяхъ и каждый день старались чѣмъ-нибудь досадить непріятелю. Изъ этихъ смѣльчаковъ образовались особыя команды охотниковъ. которые днемъ отдыхали на бастіонахъ, а ночью подкрадывались къ самому непріятелю, слѣдили за его работами и очень часто врывались въ траншеи, захватывали плѣнныхъ и портили непріятельскія работы. На этой картинѣ изображено приготовленіе охотниковъ въ ночную. (Рис. 38).

Первое мѣсто между молодцами охотниками безспорно принадлежитъ матросу 30 флотскаго экипажа Петру Кошкѣ. котораго такъ и тянуло на какой-нибудь отчаянный подвигъ. Да и мастерски же справлялся онъ съ врагами: подползетъ

незамѣтно, да такъ снимстъ часового, что тотъ и голоса подать не успѣетъ. Здѣсь изображенъ Кошка, подкрадывающійся къ непріятельскому часовому. (Рис. 39).

Особое уваженіе товарищей и общую извѣстность онъ пріобрѣлъ слѣдующимъ подвигомъ. Въ одной вылазкѣ противъ англичанъ былъ убитъ нашъ сапёръ, трупъ котораго англичане врыли по поясъ въ землю, около самой своей траншеи, какъ бы въ видѣ цѣли для нашихъ выстрѣловъ. Такое поруганіе возбудило всеобще негодованіе, и удалой Кошка вызвался вырыть и принести тѣло убитаго товарища. Получивъ разрѣшеніе, Кошка отправился на свой славный подвигъ и, въ виду изумленныхъ англичанъ, началъ выкапывать трупъ. По храбрецу открыли сильный штуцерный огонь, но онъ продолжалъ неутомимо работать, не обращая вниманія на выстрѣлы. Вырывъ трупъ, Кошка принесъ его на плечахъ къ намъ на бастіонъ, какъ это здѣсь представлено. (Рис. 40). Самъ онъ не былъ раненъ; въ трупъ же, принесенный Кошкой, попало пять пуль.

Наравнѣ съ постоянными подвигами нашихъ охотниковъ очень часто предпринимались нами вылазки и болѣе значительными отрядами подъ начальствомъ офицеровъ. Цѣль этихъ вылазокъ заключалась въ томъ, чтобы помѣшать ночнымъ работамъ непріятеля, или отбить у нихъ только что построенныя укрѣпленія, или же хотя бы только разрушить ихъ. Часто производились нами эти вылазки, столь любезныя защитникамъ Севастополя, что желающихъ итти на вылазку всегда было такъ много, что хоть отбавляй.

Самъ главнокомандующій, князь Меншиковъ, поощрялъ эти вылазки.

Безъ шума и грома приближалась обыкновенно, чуть не ползкомъ, молодецкая команда и вдругъ, съ крикомъ «ура»,

ворвется въ непріятельскую траншею, сроетъ насыпь, разбросаетъ туры, мѣшки, фашины и схватится въ рукопашную, какъ это здѣсь представлено. (Рис. 41). Сдѣлавъ свое дѣло, команда возвращается домой, нагруженная трофеями.

Наибольшую славу заслужилъ, какъ постоянный участникъ и начальникъ вылазокъ, изображенный здѣсь (рис. 42) лейтенантъ Бирюлевъ, отличавшійся замѣчательной отвагой и распорядительностью въ этихъ дѣлахъ.

Однажды этотъ офицеръ былъ спасенъ отъ вѣрной смерти самопожертвованіемъ матроса Шевченко. Преслѣдуя непріятеля, Бирюлевъ не замѣтилъ, какъ въ разстояніи только нѣсколькихъ отъ него шаговъ пятнадцать штуцерныхъ прицѣлились въ него. Въ это время матросъ Шевченко быстро выбѣжалъ впередъ и собственною грудью прикрылъ Бирюлева; въ ту же минуту грянуло нѣсколько выстрѣловъ, и герой Шевченко палъ, спасши своего офицера. Здѣсь изображенъ подвигъ Шевченко. (Рис. 43).

Продолжительный зимній періодъ осады былъ самымъ томительнымъ для союзниковъ. Зима въ Севастополѣ въ этотъ годъ была холодная; непривыкшій къ стужѣ врагъ мерзъ и десятками перебѣгалъ къ намъ; работы его подвигались вяло.

Здѣсь изображенъ Императоръ Николай, читающій извѣстія изъ Севастополя. (Рис. 44). Онъ съ отеческою любовью слѣдилъ за его богатырскими защитниками, видѣлъ, что надо было воспользоваться такимъ невыгоднымъ положеніемъ союзниковъ и атаковать ихъ съ цѣлью отбросить въ море. Поэтому въ февралѣ мѣсяцѣ Государь приказалъ князю Меншикову перейти въ наступленіе, занявъ и укрѣпивъ предварительно высоты передъ Малаховымъ курганомъ.

Здѣсь все зависѣло отъ соединенія осторожности и выдающагося мужества. Но и такое дѣло было по плечу доблест-

нымъ Севастопольцамъ. Въ ночь на 10-е февраля выполненіе этой задачи было возложено на извѣстнаго своей храбростью и распорядительностью генерала Хрущева съ Волынскимъ и Селенгинскимъ полками.

Какъ кошки, подобрались волынцы и селенгинцы подъ прикрытіемъ пластуновъ къ высотамъ, и въ темнотѣ закипѣла работа. Къ утру удивленные французы увидали предъ собой какъ грибъ выросшее укрѣпленіе, названное Селенгинскимъ редутомъ.

За Селенгинскимъ редутомъ послѣдовательно выросли такимъ же образомъ Волынскій редутъ и Камчатскій люнетъ.

Однако намъ не пришлось воспользоваться этими дорогими постройками для рѣшительной атаки непріятеля.

Вскорѣ въ Севастополѣ было получено потрясающее извѣстіе, которому положительно не хотѣлось вѣрить. То было извѣстіе о смерти Императора Николая Павловича. Войска съ тяжелымъ чувствомъ узнали о смерти обожаемаго Монарха, который такъ любилъ свою армію и до послѣдней минуты жизни вспоминалъ о герояхъ-севастопольцахъ.

На престолъ вступилъ Государь Александръ II. портретъ котораго здѣсь представленъ. (Рис. 45). Почти въ то же время главнокомандующій князь Меншиковъ, въ виду его болѣзни, былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ 2-й, здѣсь изображенный. (Рис. 46).

Смерть Государя, а также замѣна главнокомандующаго заставили отложить атаку, и благопріятное для нея время было упущено.

Польза отъ вновь построенныхъ укрѣпленій была для насъ большая: они очень безпокоили своимъ близкимъ огнемъ союзниковъ, и почти каждый день происходила передъ ними кровавая борьба, но французамъ не удавалось отбить ихъ у насъ.

Наиболѣе замѣчательный бой за Камчатскій люнетъ происходилъ въ ночь на 11-е марта. Въ этотъ день князь Горчаковъ рѣшилъ произвести усиленную вылазку, общее начальство надъ которой было поручено уже создавшему себѣ славу замѣчательной храбростью генералу Степану Александровичу Хрулеву, здѣсь изображенному. (Рис. 47).

Въ 9 часовъ вечера войска собрались въ тишинѣ на сборный пунктъ. Ночь была лунная, но черныя облака неслись по небу. Тихо двинулись баталіоны по направленію къ французскимъ работамъ. Вдругъ совершенно неожиданно раздался залпъ: наша цѣпь наткнулась на французскія колонны, которыя, по странной случайности, въ эту ночь также хотѣли произвести рѣшительное нападеніе на Камчатку, какъ называли у насъ Камчатскій люнетъ. На этой картинѣ изображена схватка русскихъ съ французами. (Рис. 48). Въ траншеяхъ завязался страшный рукопашный бой: то французы, то мы подавались впередъ; залпы штуцерныхъ смѣнялись работой штыка. Выходящая изъ-за несущихся тучъ луна освѣщала картину рѣзни.

Во время самаго разгара битвы среди офицеровъ, окружавшихъ Хрулева, раздался голосъ:

— Гдѣ наши? Скажите же, ради Бога, гдѣ наши?

Слова эти были сказаны подошедшимъ монахомъ. Луна освѣщала блѣдное лицо его, на которомъ впрочемъ не было замѣтно волненія. Онъ былъ одѣтъ въ рясѣ, въ черномъ клобукѣ, эпитрахили и держалъ въ рукахъ крестъ.

— Кто ваши, батюшка? спросили его.

— Моряки.

— Они впереди, но тамъ не ваше мѣсто; пойдите на перевязочный пунктъ.

— Мое мѣсто тамъ, гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти, отвѣчалъ онъ и бросился впередъ.

Въ ту минуту, когда во время штыковой схватки положеніе наше было наиболѣе затруднительно, когда новыя колонны французовъ заставили наши войска податься назадъ, въ переднихъ рядахъ раздалось громкое пѣніе тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору»... То былъ видѣнный нами только что въ свитѣ Хрулева монахъ Аника (Іоаникій Савиновъ), который, какъ здѣсь изображено (рис. 49), со сверкающимъ отъ луннаго свѣта крестомъ, появился среди отступающихъ; ряды наши повернулись, вновь грянуло могучее «ура», и вновь волной отхлынули французы, несомые на штыкахъ.

Храбрые въ бояхъ русскіе и французы не питали вражды другъ къ другу въ тѣ немногіе часы, въ которые назначалось перемиріе для уборки тѣлъ; наши офицеры и солдаты сходились тогда съ французами, и здѣсь происходилъ обмѣнъ любезностей между достойными врагами, и по-своему выражалось уваженіе ко взаимной храбрости.

11-го марта, послѣ описанной выше вылазки, назначено было перемиріе для уборки убитыхъ.

Какъ только взвились бѣлые флаги, возвѣщавшіе перемиріе, то цѣлыя массы русскихъ и французовъ бросились навстрѣчу другъ другу привѣтствовать враговъ, покрывшихъ себя во время ночной схватки неувядаемой славой.

На этой картинѣ изображено перемиріе между русскими и французами. (Рис. 50).

— Ну, здравствуй, здравствуй, братъ мусью! говорилъ въ одномъ мѣстѣ нашъ богатырь подбѣжавшему къ нему худенькому французу, протягивая ему свою огромную руку.

А вотъ французъ любезно подаетъ нашему солдату сигару и проситъ его закурить. Не отказывается гренадеръ и въ свою очередь предлагаетъ ему люльку. Французъ раскуриваетъ ее и затягивается по привычкѣ; но люлька выпадаетъ у него

изъ рукъ, глаза мутятся, спирается дыханіе, и несчастный, замахавъ руками, убѣгаетъ, какъ шальной, чтобы запить изъ фляжки товарища одуряющее дѣйствіе русскаго табаку. И много было смѣшныхъ сценъ между непонимающими другъ друга друзьями.

Но насколько наши солдаты любили французовъ, настолько же недружелюбно относились они къ холоднымъ англичанамъ, съ которыми никогда не хотѣли здороваться.

— Отойди отъ этого дурня! слышалось, бывало, если кто изъ молодыхъ солдатъ сближался съ англичаниномъ.

Здѣсь изображена пасхальная заутреня на бастіонахъ. (Рис. 51).

Послѣ Пасхи, съ наступленіемъ весны, положеніе наше ухудшилось сравнительно съ союзниками: къ нимъ начали подходить сильныя подкрѣпленія, и вскорѣ высадился 15-тысячный корпусъ войскъ Сардинскаго королевства, принявшаго участіе въ войнѣ противъ насъ. У насъ же ежедневный огромный уронъ людей въ осажденномъ городѣ не возмѣщался подкрѣпленіями, хотя и повелѣно было собрать ополченіе изъ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерній. Съ радостью отозвался народъ русскій на призывъ своего Царя, и быстро собирались ополченцы, шли даже старики, которымъ поздно было служить, показывая примѣръ молодежи. Но великъ былъ ополченцамъ путь до Крыма—не поспѣли они подойти до паденія Севастополя.

На этихъ картинахъ изображенъ крестьянинъ, благословляющій сына въ ополченіе (рис. 52), а здѣсь портретъ ополченца въ Крымскую войну, который участвовалъ и въ Отечественной войнѣ 1812 г. (рис. 53).

Трудно себѣ представить болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ было въ это время положеніе защитниковъ Севастополя! Въ какой арміи на свѣтѣ солдаты не пріуныли бы? А здѣсь — нѣтъ, и севастопольцы все еще не хотѣли мириться съ мыслью

перейти только къ оборонѣ, все еще они хотѣли отнимать у непріятеля лежащіе передъ нашими бастіонами участки мѣстности, и вылазки продолжались своимъ чередомъ; ночные бои попрежнему уносили много храбрыхъ!

Чуть свѣтъ, 5-го іюня союзники открыли четвертое бомбардированіе.

Послѣ суточнаго обстрѣливанія они рѣшили штурмовать Севастополь, для чего предназначили 50.000 человѣкъ.

Едва начало разсвѣтать, какъ густыя колонны французовъ бросились на 1-й и 2-й бастіоны, а потомъ и на Малаховъ курганъ; англичане же полѣзли на 3-й бастіонъ.

Но не пришла еще послѣдняя минута Севастополя, и всюду врагъ былъ отбитъ съ огромнымъ урономъ полками Суздальскимъ, Селенгинскимъ, Якутскимъ, Брянскимъ и другими.

Однако дѣло, начатое такъ блестяще, едва не погибло. благодаря тому, что французы, отбитые повсюду, захватили прилегающую къ Малахову кургану батарею Жерве. Но въ эту-то минуту прискакалъ на батарею Жерве любимецъ солдатъ и матросовъ, Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Стой, ребята! закричалъ онъ отступающимъ полтавцамъ.—Дивизія идетъ къ вамъ на помощь!

Радостно встрепенулись изнемогавшіе солдаты при окликѣ любимаго начальника и повернули противъ врага.

Однако вблизи не только обѣщанной Хрулевымъ дивизіи, да и вообще-то войскъ не было. Къ счастію, Хрулевъ вдали увидалъ 5-ю (нынѣ 7-ю) роту Сѣвскаго полка, возвращавшуюся съ работъ. Въ ней было всего 138 человѣкъ, подъ командой штабсъ-капитана Островскаго. Вотъ что вмѣсто дивизіи было въ рукахъ Хрулева.

Сѣвцы шли съ лопатами въ рукахъ и съ ружьями за спиной.

— Ребята, бросай лопаты! крикнулъ имъ Хрулевъ. — Благодѣтели мои, въ штыки, за мною! произнесъ онъ затѣмъ, бросаясь впередъ.

Какъ одинъ, кинулись сѣвцы за своимъ любимымъ генераломъ и безъ выстрѣла пошли въ штыки. Мигомъ батарея Жерве перешла въ наши руки, и бой былъ возстановленъ.

Штабсъ-капитанъ Островскій палъ героемъ, работая саблей во главѣ своей роты, которая въ этотъ день заслужила себѣ безсмертную славу, но въ которой послѣ приступа изъ 138 человѣкъ налицо осталось только 33 человѣка. Здѣсь изображено, какъ севастопольцы встрѣчаютъ остатки Сѣвскаго полка. (Рис.. 54).

Было только семь часовъ утра, когда штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Союзники отошли назадъ, потерявши до 7000 человѣкъ. Да и намъ не дешево досталось это двухдневное бомбардированіе: изъ строя за два дня выбыло до $5^1/_2$ тысячъ чѣловѣкъ.

Послѣ неудачнаго штурма 6 іюня присмирѣли союзники и не отваживались больше атаковать насъ открытой силой.

Прошло уже болѣе девяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Севастополь отбивался отъ многочисленнаго врага. Девять мѣсяцевъ ужасной жизни въ осажденномъ городѣ, жизни, полной лишеній, казалось бы, должны были подорвать силы защитниковъ Севастополя.

Но русское добродушіе, удаль, равнодушіе и полная готовность къ смерти царили на бастіонахъ въ это ужасное для Севастополя время.

Какъ-то разъ напримѣръ противъ англійскихъ траншей зелегли штуцерники Камчатскаго егерскаго полка.

— Смотри, смотри! закричалъ одинъ изъ егерей:—что-сь катится мимо?

— Чего тебѣ катится? Аль не видишь, заяцъ бѣжитъ!

— Катай его, Кузнецовъ—на тебя бѣжитъ!

Кузнецовъ прицѣлился: выстрѣлъ грянулъ, и заяцъ убитъ.

У англичанъ послышался смѣхъ. Заяцъ лежалъ на серединѣ между нашими и англійскими ложементами.

Кузнецовъ (изъ крестьянъ Калужской губерніи) перекрестился и, не долго думая, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Англичане встрѣтили удальца штуцернымъ огнемъ, но Кузнецовъ благополучно добрался до зайца, схватилъ его за заднія ноги, поднялъ ружье на изготовку и сталъ задомъ отходить къ своимъ ложементамъ. Здѣсь изображенъ Кузнецовъ, поднимающій зайца. (Рис. 55).

Если таково было мужество всего гарнизона, то всѣхъ геройскихъ подвиговъ отдѣльныхъ лицъ нельзя и перечислить.

Отъ солдатъ и матросовъ не отставали въ мужествѣ и дѣти, преимущественно сыновья матросовъ. Посѣщая часто бастіоны, они оставались на нихъ и въ минуты самаго жаркаго боя помогали солдатамъ. Болѣе другихъ прославился двѣнадцатилѣтній сынъ матроса, Николай Пищенко, здѣсь изображенный. (Рис. 56). Отецъ его служилъ на одной изъ батарей, а молодой Николка жилъ при отцѣ и помогалъ ему. Въ день второго бомбардированія старый Пищенко былъ убитъ, мальчикъ же все-таки остался на батареѣ и сталъ самостоятельно распоряжаться небольшими мортирами. Въ коротких брюкахъ, въ отцовской куртеѣ, хватавшей до колѣнъ, и босикомъ онъ неутомимо возился съ порученнымъ ему дѣломъ.

— Маркелами завѣдую и при нихъ умру! гордо говорилъ маленькій воинъ на вопросы посѣтителей.

Главнокомандующій наградилъ Пищенко сначала медалью, а потомъ и Георгіевскимъ крестомъ, и послѣ паденія Севастополя молодой кавалеръ вышелъ изъ пылающаго города, имѣя 13 лѣтъ отъ роду и 11 лѣтъ Царской службы за плечами, такъ какъ извѣстно, что, по милости Императора Ни-

колая Павловича, каждый мѣсяцъ службы подъ Севастополемъ считался за годъ.

Не забудемъ помянуть и тѣхъ русскихъ женщинъ, сестеръ милосердія, которыя по почину представленной здѣсь (рис. 57) Великой Княгини Елены Павловны, съѣхались въ Севастополь и всѣ свои силы употребляли на помощь раненымъ. Не видна для глазъ постороннаго была ихъ дѣятельность, но сколько тысячъ жизней спасли эти труженицы своимъ уходомъ, сколько мученій онѣ облегчили, и много страдальцевъ отошло въ вѣчность, утѣшенныхъ въ послѣднія минуты добрыми словами и молитвой сестеръ милосердія.

28-го іюня севастопольцы, а съ ними и вся Россія понесли тяжелую, невозпаградимую потерю: адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ былъ смертельно раненъ въ голову непріятельской пулей и вскорѣ скончался.

Эта картина изображаетъ смерть Нахимова. (Рис. 58).

Не стало Павла Степановича, который съ перваго дня осады и до самой смерти былъ душою обороны и самымъ усердным защитникомъ города. Всегда ровный со всѣми, доступный для всѣхъ, съ добрымъ отзывчивымъ сердцемъ, хотя и съ суровой наружностью, адмиралъ Нахимовъ, постоянно появляясь на самыхъ опасныхъ мѣстахъ и почти цѣлые дни проводя на оборонительной линіи, былъ извѣстенъ всему Севастополю отъ мала до велика; матросы же и солдаты положительно обожали Нахимова, и не было ничего невозможнаго, чего онъ съ ними не могъ бы сдѣлать.

Здѣсь изображено поклоненіе севастопольцевъ тѣлу Нахимова. (Рис. 59).

Приближалось время паденія Севастополя. Чувствовалось, что не сегодня -завтра союзники пойдутъ на послѣдній отчаянный штурмъ. Насторожѣ находился гарнизонъ и готовился

дорогою цѣною продать родной городъ. По ночамъ и въ особенности передъ разсвѣтомъ, когда скорѣе всего можно ожидать начала штурма, войска наши были въ полной готовности; днемъ же, во время самой жары, солдаты пользовались хоть минутнымъ отдыхомъ, чтобы подкрѣпить упадающія силы.

Этимъ необходимымъ отдыхомъ и воспользовались враги наши для производства своей послѣдней атаки на Севастополь.

Съ утра 27-го августа началась по всей линіи сильная канонада, которая къ 11 часамъ постепенно ослабла.

Люди начали на бастіонахъ обѣдать, и никто въ такое время не ожидалъ штурма. Какъ вдругъ ровно въ полдень вся линія непріятельскихъ батарей снова сверкнула огнемъ залпа, послышался трескъ барабановъ, рѣзкій звукъ сигнальныхъ рожковъ, и не успѣлъ еще разсѣяться дымъ залпа, какъ французы были ужѣ на Малаховомъ курганѣ—такъ близко подошли ихъ траншеи къ этому пункту нашей оборонительной линіи. Одновременно съ этимъ массы французовъ и англичанъ полѣзли и на другіе бастіоны; по всей линіи загорѣлся кровопролитный рукопашный бой, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали наши храбрецы. Цѣлыя части войскъ, матросы и солдаты, начальники и подчиненные соперничали другъ съ другомъ въ подвигахъ храбрости и мужества. Здѣсь отдѣльныхъ героевъ не было—всѣ вели себя геройски, и на всѣхъ одиннадцати пунктахъ, атакованныхъ союзниками, врагъ былъ съ огромными потерями отбитъ и не рѣшался возобновить нападенія.

Къ сожалѣнію, на главномъ пунктѣ, на Малаховомъ курганѣ, дѣла обстояли иначе, и это рѣшило участь Севастополя! На этой картинѣ представленъ общій штурмъ Малахова кургана. (Рис. 60).

Французы, пользуясь близостью своихъ траншей къ кур-

гану, успѣли занять его такъ быстро, что нижніе чины Модлинскаго полка не успѣли приготовиться ихъ встрѣтить, и лишь небольшая команда этого полка кинулась, подъ начальствомъ поручика Юни, занять уцѣлѣвшій нижній этажъ Малаховой башни. Эта горсть людей, числомъ до сорока человѣкъ, заняла башню передъ носомъ французовъ, завалила наскоро входъ и рѣшила защищаться до послѣдней крайности. Мѣткіе выстрѣлы храбрецовъ, пускаемые въ затылокъ хозяйничающимъ на курганѣ французамъ, заставили ихъ употребить всѣ усилія завладѣть башней; но это было не такъ-то легко. Юни съ товарищами держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всѣхъ патроновъ и пока не пропала у нихъ всякая надежда на выручку. Тогда только, вмѣсто парламентерскаго флага, была выкинута ими бѣлая рубашка, привязанная къ палкѣ. Французы прекратили огонь и съ почетомъ встрѣтили сдавшихся въ плѣнъ почти всѣхъ переранепыхъ храбрецовъ.

Въ то время, когда на курганѣ происходила самая ожесточенная борьба, въ которой на одного нашего защитника приходились положительно сотни французовъ, когда наконецъ курганъ былъ занятъ 6-ю тысячами французовъ, на помощь къ нему спѣшили наши войска. Вотъ скачетъ сюда генералъ Хрулевъ на своемъ бѣломъ конѣ; за нимъ почти бѣгомъ двигаются 1500 ладожцевъ, къ которымъ по пути присоединяются роты брянцевъ, эриванцевъ, Елецкаго полка. Все это густой колонной въ крутую гору подвигается за любимымъ генераломъ отбивать Малаховъ курганъ, въ которомъ французы успѣли уже утвердиться.

При самомъ началѣ атаки Хрулевъ былъ раненъ; его замѣнилъ генералъ Юферовъ, котораго тотчасъ же убили; далѣе одинъ за другимъ были перебиты всѣ начальники, и солдаты остались безъ руководителей. Войска наши, перемѣшавшись въ одну общую кучу, толпились въ безпорядкѣ

сзади укрѣпленія и, несмотря на огромныя потери, горѣли желаніемъ отбить обратно Малаховъ курганъ.

— Ведите насъ въ бой! кричали одни.

— Давайте намъ патроновъ! требовали другіе.

Но вести въ бой было некому—всѣ были перебиты.

Тѣмъ временемъ князь Горчаковъ, видя, что съ потерею Малахова кургана удерживать городъ въ своихъ рукахъ не стоитъ, приказалъ арміи начать отступленіе на сѣверную сторону.

Начался безпримѣрный въ лѣтописяхъ военной исторіи переходъ арміи черезъ морской рейдъ по единственному мосту и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Ровно въ 7 часовъ вечера, въ бурную погоду, при свѣтѣ горѣвшихъ на рейдѣ баржей съ порохомъ, началось спокойное, несуетливое движеніе гарнизона по колыхающемуся отъ разведеннаго вѣтромъ волненія мосту. Союзники видѣли это движеніе, но не смѣли ему помѣшать—такъ сильно подѣйствовало на нихъ поведеніе нашихъ войскъ въ этотъ день послѣдняго штурма. Они знали, что каждый шагъ впередъ заставитъ оставшуюся еще на этомъ берегу часть гарнизона костьми лечь, взлетѣть вмѣстѣ съ врагомъ на воздухъ, но не допустить врага до моста.

Здѣсь изображенъ солдатъ, прощающійся съ Севастополемъ. (Рис. 61).

Около полуночи начались взрывы пороховыхъ погребовъ на бастіонахъ, потомъ загорѣлся городъ, и къ утру 28-го августа весь гарнизонъ спокойно перешелъ на сѣверную сторону бухты, оставивъ въ рукахъ непріятеля разрушенныя укрѣпленія и городъ послѣ трехсотсорокадевятидневной безпримѣрной по геройству обороны. Здѣсь изображенъ Севастополь послѣ осады. (Рис. 62).

11-мѣсячная оборона Севастополя стоила намъ свыше

80.000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, но зато все это время силы, можно сказать, всей Европы были привлечены къ этому отдаленному уголку нашего Отечества, и здѣсь же завершилась борьба, послужившая къ обновленію и росту Россіи, борьба, которой и до сихъ поръ дивится весь свѣтъ.

Оцѣнила Россія подвиги защитниковъ славнаго города. Донынѣ память каждаго севастопольца чтится, какъ героя; донынѣ немногіе изъ оставшихся въ живыхъ севастопольцевъ пользуются всюду вполнѣ заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ. Особенно же знаменательно было возвращеніе защитниковъ Севастополя и встрѣча ихъ Москвою послѣ заключенія мира. Въ землю кланялся имъ извѣстный богачъ Кокоревъ, встрѣчая великихъ тружениковъ во славу земли русской.

При произнесеніи настоящаго чтенія въ аудиторіи Педагогическаго Музея показываются слѣдующія картины:

1. Императоръ Николай I.
2. Адмиралъ Лазаревъ.
3. Адмиралъ Нахимовъ.
4. Синопскій бой.
5. Корабль „Императрица Марія".
6. Бомбардированіе Одессы.
7. Прапорщикъ Щеголевъ.
8. Севастополь сто лѣтъ тому назадъ.
9. Высадка союзниковъ въ Крыму.
10. Князь Меншиковъ.
11. Алминское сраженіе.
12. Переходъ Боске р. Алмы.
13. Подвигъ полковника Раковича.
14. Атака владимірцевъ.
15. Отступленіе нашихъ съ р. Алмы.
16. Даша Севастопольская.
17. Она же на перевязкѣ раненыхъ.
18. Адмиралъ Корниловъ.
19. Перевозка орудій.
20. Постройка батарей женщинами.
21. Тотлебенъ.
22. Потопленіе корабля „Три Святителя".
23. Бомбардировка Севастополя.
24. Тоже непріятельскимъ флотомъ.
25. Нахимовъ на батареѣ.
26. Капитанъ Попандопуло.
27. Подвигъ матроса Палюка.
28. Подвигъ матроса Александрова.
29. Батарея, гдѣ убитъ Корниловъ.
30. Памятникъ Корнилову.

31. Баталіоны полковъ Томскаго, Колыванскаго и Екатеринбургскаго въ бою.
32. Охотцы атакуютъ англійскую батарею.
33. Подходъ корпуса Боске.
34. Схватка нашихъ съ зуавами.
35. Милосердіе старушки-матроски.
36. Великіе князья а) Николай Николаевичъ и б) Михаилъ Николаевичъ.
37. Черноморскіе пластуны.
38. Приготовленіе охотниковъ въ ночную.
39. Матросъ Кошка прокрадывается къ непріятельскому часовому.
40. Кошка спасаетъ трупъ товарища отъ поруганія.
41. На вылазкѣ.
42. Лейтенантъ Бирюлевъ.
43. Подвигъ матроса Шевченко.
44. Императоръ Николай читаетъ донесеніе изъ Севастополя.
45. Императоръ Александръ II.
46. Князь Горчаковъ.
47. Генералъ Хрулевъ.
48. Ночная схватка нашихъ съ французами.
49. Подвигъ монаха Аники.
50. Перемиріе.
51. Пасхальная заутреня на бастіонѣ.
52. Крестьянинъ, отправляющій сына въ ополченіе.
53. Ополченецъ 1854 года, участвовавшій въ Отечественной войнѣ.
54. Севастопольцы встрѣчаютъ остатки Сѣвскаго полка.
55. Штуцерникъ Кузнецовъ подымаетъ зайца.
56. Николай Пищенко.
57. Великая Княгиня Елена Павловна.
58. Смерть Нахимова.
59. Поклоненіе севастопольцевъ тѣлу Нахимова.
60. Штурмъ Малахова кургана.
61. Прощаніе съ Севастополемъ.
62. Севастополь послѣ осады.

Педагогическимъ Музеемъ в.-уч. заведеній изданы еще слѣдующія чтенія для солдатъ и народа.

1) **Сборникъ общедоступныхъ чтеній** («Кіево-Печерскій монастырь въ древней Руси»; «А. В. Суворовъ»—два чтенія; «Бой подъ Плевной за Зеленыя горы»—два чтенія, и проч.). Съ 8 картинами и 38 рисунками въ текстѣ. Спб. 1885 г. Ц. 1 р.

2) **Какъ основалось, собиралось и крѣпло наше государство.** К. И. Лядскаго. Спб. 1893 г. Ц. 8 к.

3) **Полтавская битва.** М. А. Андреянова. Съ 2-мя портретами и планомъ. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

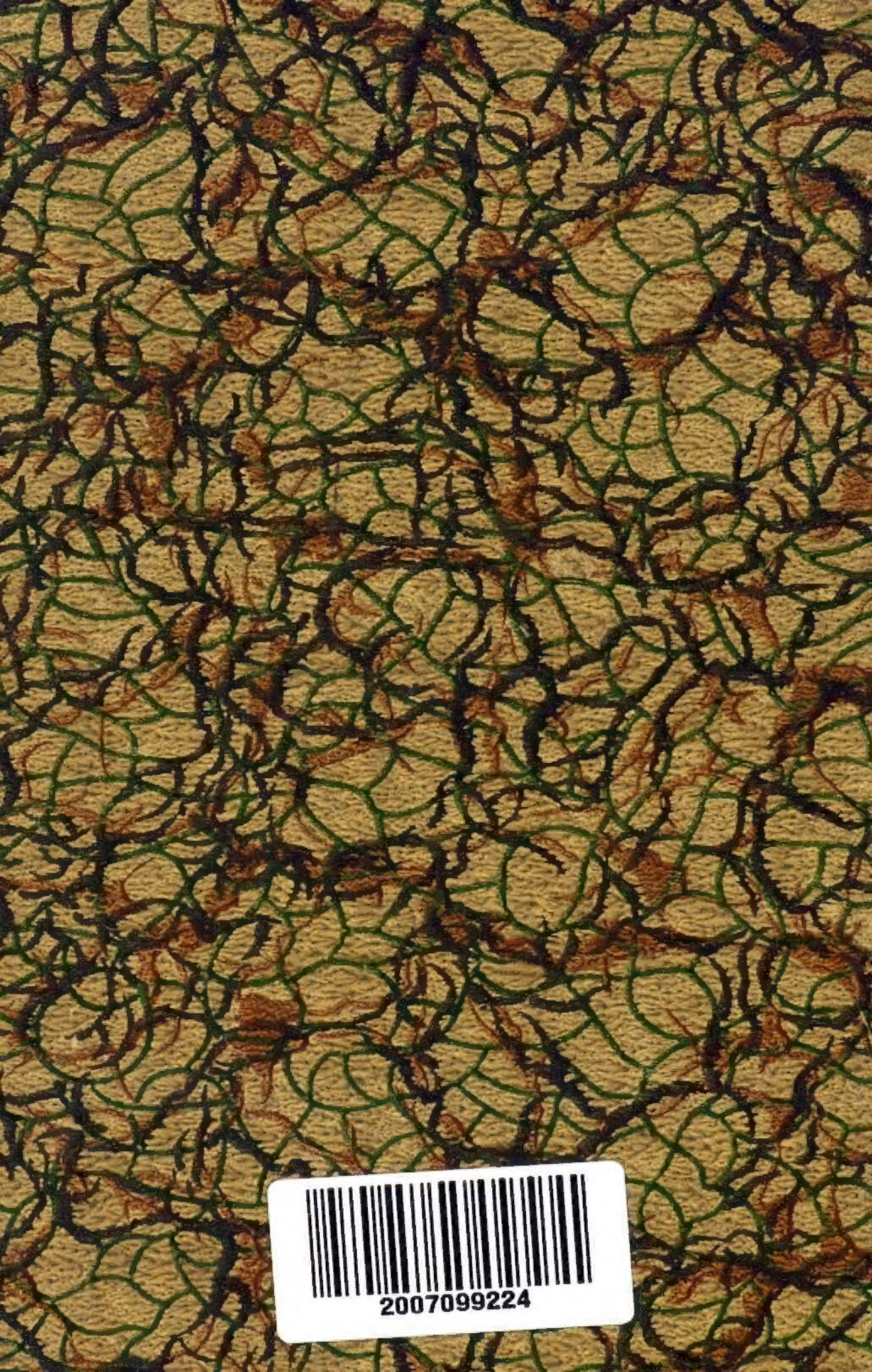
4) **Бородинскій бой.** Съ 2-мя портретами и планомъ. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

5) **Взятіе Златицкаго перевала 17-го ноября 1877 г.** Изъ боевыхъ воспоминаній лейбъ-гренадера В. Токмачева. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

6) **Бесѣда ротнаго командира съ унтеръ-офицерами своей роты.** Генералъ-маіора А. А. Чудовскаго Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Цѣна 10 коп.

Доз. в. ценз. Спб., 6 марта 1900 г. Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.


2007099224